
ETHNIC FEATURES IN LINGUISTICS OF COLOR IN THE FRENCH AND TATAR LANGUAGES

Rustam Malisovich Fakhretdinov,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
roustam@mail.ru.

Farida Iskandarovna Yarullina,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
yarullina-f@mail.ru.

Jose Gonzalez,

Barcelona State University,
Carrer de la Ciutat de Granada, Barcelona, 131. 08018, Spain,
docboone@hotmail.es.

The article analyzes various ways of color designation in French and Tatar, including the names of equine coat color. The results of the study demonstrate similarity of the concept “blue color” in Tatar and French, the absence of nomination dichotomy of navy blue (синий) and greenish blue (голубой) in both languages, and the expediency of defining hippocoloristics as a separate area in linguistics of color. We have developed a unique Tatar-French vocabulary of equine coat color, contributing to the preservation of this specific lexicon in the active vocabulary of the languages under study.

Key words: linguistics of color, color designation, typology of the French and Tatar languages, hippocoloristics.

Color perception is one of the most important characteristics of human vision, which provides a better orientation in the world and cognize the system of its regularities [Arapov, p. 88]. Color designations in a particular language are signs of culture, of creative individuality, they play a very important role in the system of public ritual symbolism and possess a pronounced communicative na-

ture. Language, like a mirror, reflects our color sensations and perceptions [Fasmer, p. 84]. Phrasology is an area of linguistics, in which the ethnic and cultural originality of color perception is clearly reflected. Since it is closely connected with culture, history and ways of life of people, it embodies their spirit, character and way of thinking. Thus, someone turns out to be a black sheep, an-

other has blue blood, a third is called a yellow-bellied coward [Frumkina, p. 116]. In wildlife, color is an objective reality, independent of people.

However, in different languages, colors have different effect on people, speaking these languages. As V. G. Gak points out, “color in different languages is reflected in different ways, the names of colors make up a complex system, and the systems of different languages have appreciable discrepancies” [Gak, p. 77]. Thus, there are languages that distinguish the seven colors of the rainbow, for example Russian and some other Slavic languages; the majority of other European languages have only six [Svetlichnaya, p. 13]. This is due to the fact that the part of the spectrum in which the Russians see two colors – синий (navy blue) and голубой (greenish blue), in Western European languages is denoted by a single lexeme: English – blue, German – blau, French – bleu, etc. They even sound the same, despite the fact that they belong to different groups of languages – Germanic and Romance.

It is noteworthy that the Tatar language here is closer to European languages, as it does not make a difference between “navy blue” and “greenish blue”, determining this part of the spectrum as зәңгәр (blue). Under the influence of the Russian language, the Tatar language developed a nomination for navy blue – күк, but it is rarely used, as it is not at all an adjective, its first meaning being “sky”. Accordingly, it would be more accurate to translate this word not as “navy blue”, but as “sky blue”.

In support of this postulate, one can cite the fact that there is “зәңгәр күлмәк” (a blue dress) and “зәңгәр тәймә” (a blue button), not to mention a very popular image of “зәңгәр шәл” (a blue shawl), and only one song “күк күгәрчен” (a blue pigeon) in Tatar folklore. The nominations of these colors are often synonymous in the Tatar language. Thus, күк / зәңгәр сөт – обрат – lait dégraissé (skimmed milk, milk skimmed through the separator), күк күзле – blue eyed; күк яулык – blue (navy blue) kerchief, күк жиләк – is “blueberry”, күк күбәләк – “blue butterfly”, зәңгәр / күк чәчәк – “a cornflower”, a flower, which is not pure blue. As we see, in the nomination of this flower, the Tatar language, unlike Russian, is similar to French – ‘bleuet’, which can be translated as “bluish”. It is interesting to note that in the Tatar language, “navy-bluish” as well as “light bluish”, also mean two different words with the stems analyzed in this article: күксел and зәңгәрсү, which proves that the difference between them is relatively arbitrary.

In French, there is no indication of color in the designations of blueberries and blue butterflies: “airielle des marais” (a marsh berry) and “lycène”. However, in Russian and French there is an image of “oiseau bleu” – a blue bird, as a symbol of an unattainable ideal. Moreover, sometimes this adjective indicates a completely different color, for example: күк ағач does not mean a blue tree at all, but a hornbeam, ‘le charme’ in French. Күк ала сакал means a beard with gray hairs, that is, generally gray, күк ала ат – a dapple-grey horse, and күк ат is a gray gelding. It is also interesting to note that in French a gray beard is ‘barbe fleurie’, that is, “flowery” or ‘argentée’, that is, ‘silvery’, generally – ‘barbe grise’ or ‘blanche’, without any parables! *Barbe bleue*, as such, means “a certain man who has been suspiciously repeatedly married, all of his wives happen to have died”. This fairy-tale character – Bluebeard – is known to the Russian-speaking reader, but he is absolutely alien to Tatar folklore, from which one could draw a conclusion about the humane character of the Tatar people, including their relation to the woman. Moreover, in French there exists an idiom very close a Tatar one – *menton bleu* (literal translation: a blue chin) – ‘an elderly man’. Within the framework of this concept, there is only one case when the color perception of the Tatars is closer to the Russians: күк талак умаргә, literal translation: ‘to make one’s spleen blue’ – “to beat somebody up badly, leaving bruises”, rather than to the French, in which this phraseological unit takes darker tones: *être noir de coups*, literal translation: ‘be black with blows’. Is it enough to conclude that the French are cruel, especially since there is not even a word “kind” in French – as an epithet another word is used: *bon* meaning ‘good’? It is noteworthy that there used to be times when the words “kind” and “good” were synonymous in Tatar, but time has put everything in its place. Interestingly, the Tatar language nominally has a lexeme meaning “kind” – игелекле, изге (ancient Turkic ädgü), however in practice it is used much less often than айбәт, which is an absolute synonym for the concept of яхшы – “good”. Accordingly, it seems obvious to enrich the concept of “good” with new lexemes of the type айбәт, яхшы.

The interlanguage alternation “blue-black”, observed in this case, is also found in the Tatar language: күк / кара бөрлегән (blue or black stone berry), that is, “blackberry”, “mûron” in French. And, finally, we have found a rare case when lexical denominations in all three considered languages are the closest in this semantic field: the

blue Arctic fox – *зәңгәр / күк төлке* in Tatar and *renard bleu* in French, with the two latter languages being more similar than Russian, because in both of them this animal is called a “fox”.

As for the more widespread Tatar color designation *зәңгәр*, a careful typological study of this word also confirms our thesis that the French language is closer to the Tatar language, than to the Russian one. For example: *зәңгәр таиш*, which actually means “a blue stone” – ‘*lapis lazuli*’, *le lapis* in French. In fact, it is not blue at all, but dark blue. On the other hand, the Tatars call the time between night and morning *зәңгәр таң*, and again they mean “navy blue” rather than “greenish blue dawn”. It is noteworthy that the French also see this predawn hour in blue: *heure bleue*. And only in the case of the blue dream there is complete unanimity in all three languages: *зәңгәр хыял* and *rêve bleu*, because the logical continuation of this idiom is *зәңгәр хыялга чумарга* (literal translation: ‘to drown in a blue dream’) brings the Tatars and the French even closer together as the French *nagent dans le bleu* – that is, they ‘float in the blue’, unlike the Russians who are “walking on clouds”. It characterizes the French and the Tatars as more down-to-earth peoples. In the international idiom “to look through rose-colored glasses” (Fr. *regarder à travers des lunettes roses*), the Tatars unexpectedly have the same blue color: *зәңгәр / ал күзлек аша карарга*. A surprising fact: in French, too, there exists a synonymous phraseological unit *voir tout en bleu / rose* – to see everything not only in pink, but also in blue. “A heart-rending cry” – *des cris d'orfraie* (literal translation: ‘the cries of an eagle’), the Tatars see it in color too: *зәңгәрле (күкле)-яишелле тавыш*, which suggests that the difference between the blue and green color in the Tatar language is blurred, but this phenomenon requires a separate analysis in the next article. And finally, Tatars, following Russians, call representatives of non-traditional sex-orientation *зәңгәрләр*, the fact that would surprise the French, since for them *les bleus* are the players of their national team. To designate men of non-traditional sex orientation, they use the word *la pédale*, with the feminine gender, which means “pedal” the same as in Russian. And in the singular, *bleu* means “a beginner” or “a rookie”, apparently because their uniform is still quite new and preserves its blue color. However, in French we have managed to find such an idiom as *ballets bleus* (literal translation: ‘the blue ballet’) – an orgy with the participation of boys. According to the French historian Michel Pasturo, the French have changed their attitude to-

wards the blue color over time. It is noteworthy that before the twelfth century there were no references to this color in medieval literature [Pasturo, p. 15]. For a long time, the French associated the blue color with strong negative emotions, up to the point that one of the meanings of this noun is “a bruise”. For example: *Avoir du bleu au coeur* (literal translation: ‘have a bruise on one’s heart’), that is, to be sad – “*ямансуларга*” in Tatar; *une peur bleue* (literal translation: ‘blue fear’) – panic fear (“*бик нык курку*”, that is simply “very strong fear” in Tatar); *en être bleu* (literal translation: ‘to be blue with something’), that is, to be shocked (*авыр кичерештә булырга* in Tatar); *n’y voir que du bleu* (literal translation: ‘to see only blue in something’) – not to understand anything (*бернәрсә дә аңламаска* in Tatar); *passer au bleu* (literal translation: ‘go to blue’) – to conceal (*сәр имен томарга* in Tatar (literal translation: ‘to keep secret’)); *bas bleu* meaning “a blue stocking” (*сөйкемсез хатын* in Tatar, literal translation: ‘an unattractive woman’); *bête bleue* (literal translation: ‘blue cattle’) – a nag (*арык ат* – that is literally ‘a skinny horse’ in Tatar); *bleu comme la poule à Simon* (literal translation: ‘blue like Simon's hen’) 1) lost (*адашкан* in Tatar) 2) terrified, in panic (*бик нык курыккан* in Tatar) 3) conservative (*кадимче* in Tatar) and the phrase correlating with the latter value: *Chambre bleu horizon* – the Blue Chamber (the reactionary chamber of deputies in France, elected in 1919, named so because of the color of officers' great-coats); French love affair is compared with *fleur bleue*, that is, with a “blue flower” (*мәхәббәт мәкере* in Tatar); *cultiver la petite fleur bleue* means being sentimental (*тойгыларга бирелергә* in Tatar, which literally means ‘to succumb to feelings’); *coup bleu* (literal translation: ‘a blue strike’) has many meanings: 1) a shot into the air (“*буш ару*”, literal translation: ‘a blank shot’ in Tatar) 2) wasted effort (“*файдасызга көч түгү*”, meaning literally ‘useless spilling of force’ in Tatar); *papier bleu* (literal translation: “blue paper”) – summons to court – “*судка чакыру*” in Tatar; *vin bleu* (literal translation, “blue wine”) – bad red wine – “*тәмсез кызыл шәраб*” in Tatar; *zone bleue* – limited time parking; *ne pas être bleu de rire* (literal translation: ‘Do not be blue with laughter’ – not having the desire to laugh, and the Tatars would say: “*көлүдән кып-кызыл булмаска*” (literal translation ‘not to be red with laughter’); *conte bleu* (literal translation: ‘a blue fairy tale’ – an old lady’s fairy tales – “*эбиләр әкиятә*” or “*юк-бар сүз*” in Tatar, literal translation: ‘a word meaning

whether there is, or there isn't'; *elle est bleue, celle-là* (literal translation: 'and this one is blue') – "уйдырма" in Tatar -isn't it a tall story! Finally, *les diables bleus*, that is, literal translation 'blue devils' – melancholy. It is noteworthy that the Russian melancholy is represented by a somewhat different color, namely, green ("яшел сагыш" in Tatar, but the color feeling of anguish for the Tatars is more pronounced: "ак сагыш" meaning mild sadness, "зәңгәр сагыш" – longing for something unrealizable, "сары сагыш" as an equivalent of spleen, and in the end – "кара сагыш" as the ultimate limit of despair).

Only in exceptional cases this color has positive connotations in the French language. In the Renaissance, according to M. Pasturo, the blue color became "royal" and very prestigious. This explains the emergence of many French phraseological units. For example: *sang bleu* – "blue blood", but "ак сөяк" in Tatar, which means "a white bone"; *cordon bleu* has two meanings: "the blue order ribbon worn by the Knight of the Order of the Holy Spirit", that is, "a man of great merit" – "зур кеше" in Tatar and "a skilled cook" – "әйбәт пешерүче" in Tatar; *ruban bleu* – an ribbon of an order – "орден тасмасы" in Tatar; *dentelle bleue* 1) English lace (made in Coventry) – "инглиз челтәр" in Tatar, 2) a woman in blue – "зәңгәр киёмле хатын-кыз" in Tatar; *col bleu* (literal translation: 'a blue collar') – 1) a military sailor – "хәрби дингезче" 2) a worker – "эшче"; *bibliothèque bleue* – chivalric novels for children from 4 to 8; *bifteck bleu* – bloody steak – "канлы бифштек"; *le ciel est bleu partout* – literal translation: 'the sky is blue everywhere' – the sun does not rise and set in somebody/something, and in the Tatar language – "дөнья кин/иркен", literal translation: 'the world is spacious', or "кайда да бер кояш", literal translation: 'everywhere there is the same sun'. Since France is washed by the seas on three sides of the world, the notion of *houille bleue* (energy of tides, ebbs and winds) is widespread there – blue coal – "зәңгәр күмер". Moreover, in the Russian language there is a set phrase "голубое топливо (blue fuel)" – "зәңгәр ягулык" – in Tatar, not found in French, which does not have gas deposits. In modern Western society, says M. Pasturo, blue is the favorite color, because it symbolizes tranquility and peace, hence the idiom *casques bleus* – "blue helmets" – "зәңгәр каскалар".

At the same time, in the world around us, there is no color outside the color of specific objects. It is always attached to a class of objects and does

not exist as an independent denotation. It is dissolved in nature and is a part of it. For example: the sky is blue, the fox is red, the ground is black, the snow is white, the hare is white or gray. [Akhmet'yanov, 1988, p. 8]. What color is the horse? Usually it is bay, but if the stallion is sooty, the gelding is roan. As you can see, the coloronyms, describing the color of horses, are quite specific and are not used for naming the color of other objects or creatures. Only an amateur can call a horse brown or black. Horse colors are a very interesting topic, since horses are animals that have been living near people for millennia, providing invaluable assistance. Despite modern progress they are still making our lives more beautiful [Maksyutova, p. 18]. It is not just the horse's physique and its bottomless intelligent eyes that are pleasing to the eye, but also its color. Consequently, the variety of existing horse colors is inextricably linked with the issue of color perception, since some linguists, such as V. V. Shavaliyev, for example, make them a separate color category. G. A. Iskhakova numbers more than forty of them in the Tatar language [Iskhakova, p. 152]. According to R. G. Akhmet'yanov, there used to be even more of them [Akhmet'yanov, 1975, p. 71]. A similar thing exists in French. The analysis of the colors presents certain difficulties because of their variety, which was noted by V. G. Kulpina [Kulpina, p. 230].

In particular, there are many allogisms in the names of horse colors. For example: the gray-blue color in Tatar will be 'күк', and white-gray is not *аккүк*, but *акбүз*. The thing is that, in addition to the designation 'күк', usually meaning blue in Tatar, there is also the word 'бүз', meaning "grayish, ashy color", while "ashes" in Tatar is not at all 'бүз' but 'көл'. It would be strange if in French, the most rational language in the world, there were such contradictions. The French language departs from them by means of metaphorical names of colors. Thus, *акбүз* in French is 'pèrle', which means "pearl", and *бүз* is 'silver', which means "silver" in English. Here, it is necessary to admit that in the designation of horse colors the French language often resorts to foreign borrowings, and not necessarily English. So, the same ethnonym "акбүз" can mean 'perlino' in the Italian manner, while "ала-тилә" means a gray horse with a white mane – "palomino", which is consonant with the Portuguese "palombino", meaning "white marble", "rabricano" in Spanish – "white-tailed". This color with white markings on the sides and a tail, "overo" in Spanish – the color with dark spots on a white background, "sooty" in English – black as

soot, and “dun” – brownish-gray. For the French, this color lexicon, apparently, does not cause much difficulty, because Italian, Spanish and Portuguese are related languages belonging to one language group – Romance. Moreover, it is much easier to tell the silvery color from pearly than gray from light gray.

Similarly, “бурлы” in Tatar means both ‘grivelé’ (roan – gray with an admixture of a different color), and ‘alezan’ (caustic –light chestnut), while the Russian coloronim “чалый” comes from the Tatar “чал”, which is translated as “gray” and denotes, in part, the roan color. As it happens, one Russian term “roan” has two equivalents in Tatar: “чал” as light gray and “бурлы”. Evidently, there is common etymology of the Tatar and Russian adjectives “бурый (greyish-brown)” and “бурлы”, which goes back to the Turkish “bur” – “red color”, borrowed, in its turn, from the Persian “bōr” – “red-brown” [Sitdykov, p. 12]. However, contrary to logic, general linguistics has “коңгырт” for Tatar greyish-brown, while the greyish-brown color in hippocoloristics (equine coat color studies) is “коба”. It should be noted that in this part of the color spectrum Tatar and French are equally richer in vocabulary than Russian: the Tatar language has a coloronim “көрән”, the color of cinnamon or roasted coffee (in Russian, these are characteristic features of the brown color), and “коңгырт” as dark brown. Similarly, one Russian coloronim “brown” corresponds to two in French and Tatar: “marron” and “brun” as dark brown, “кызгылт көрән” (literal translation: ‘reddish-brown’) and “коңгырт сары” (‘yellow-brown’). Over the course of time, the Russian coloronim “бурый” has noticeably faded: from red-brown to gray-brown in a neutral context. However in hippocoloristics, it still retains its color – dark brown with a reddish tint, which once again confirms the immutable value of a horse as one of the eternal human values that has not changed for many centuries.

It is the antiquity of this layer of vocabulary that can justify its perception, which is not quite unambiguous. For example, we all understand that there exists a buckskin horse. But how many people can specify its color? This is a light red horse (yellow according to M. Fasmer) with a black tail and mane [Fasmer, p. 123].

As for the number of colors and color shades, the Tatar language, at the present stage of its development, has about sixty of them, and French has about seventy. V. G. Kulpina notes the same tendency in relation to the Polish language,

which has more designations of horses than Russian [Kulpina, p. 311].

For some colors no coloronims were found in the Tatar language. Thus, there is no Tatar designation for a whole group of piebald horses, for example: “pie noir leopard” is a white horse with black leopard spots, “pie noir cape” (literal translation: ‘with a bowler hat’) is the same horse, but with a black head, a thoroughbred horse with white spots on its hind legs and its back is figuratively called “pie noir givré” (literal translation: ‘covered with hoarfrost’), and a white horse with a red and black mane is “pie bai sabino”. In this case, the French language resorts to Spanish, in which “sabino” means ‘light bay’. We are used to the fact that an animal is usually compared to a human being, while the French spiritualize horses to such an extent that they use animalistic metaphorism in horses’ descriptions, since “pie” in French means ‘a magpie’. To fill in this lacuna, it would be advisable to call a white horse with black leopard spots “ала каплан”. As for the rest of the potential cripples, they are still very doubtful.

We have not found such Tatar ethno-colors as golden-buckskin – ‘champagne’ in French, that is, the color of champagne, and gray-yellowish – ‘tourdille’ in French, etymologically ascending to the noun “le tourd”, which means “a fieldfare”. The calque from the French “шампань төсе” has already appeared in the Tatar language, but its compatibility with the description of the horse color is not relevant at the present stage. As for “миләш чыпчыгы төсе (the color of ash)”, the very appearance of this ethno-color seems unlikely because of a small number of thrushes in the area where the Tatars live.

On the other hand, we have failed to find such a French ethnocolor as “кан жирән” – ‘blood-ginger’. The French, like all Europeans, completely avoid it by using “blood red” – ‘rouge sang’, which is not to be found in Turkic languages. In the remaining studied languages, there are no analogues of *Акбүзат* (literal translation: ‘a light ash-gray horse’), a horse legendary for the Tatar people, which is the symbol of the day, of *Күкбүзат* (literal translation: ‘light gray’) – the allegory of the evening, of *Тимеркара* (raven with steel blue) – the personification of the night. The Tatars say the following about the change of the time of the day: “Тимеркараны акбүзат куа, акбүзатны күкбүзат куа (The night drives away the day, the day drives away the evening)” [Explanatory Dictionary of the Tatar Language, p. 99]. It is noteworthy that the Tatar language lacks the

allegory of the morning, while in other languages only the morning is there in the form of the dawn goddess Aurora. Unfortunately, we could not find human names etymologically related to horses in the Tatar language, such as, for example, Philippe – “loving horses” and Hippolyte – “unharnessing horses”, found in French and Russian onomastics.

Having studied quite a number of dictionaries, we were able to compile a small Tatar-French vocabulary of horse coat colors, accompanied for convenience by a Russian column:

ак – белая – blanche (white)
 аксыл сары – кремовая – crème (creamy)
 аксыл жирән – светло-рыжая – roux clair/
 palomino charbonné / cuivré (light ginger)
 акбүз – светло-сивая – perlino / pèrle (light ash gray)
 ала – пегая (разномастная) – pie (piebald)
 ала-кола – саврасо-пегая / булано-пятнистая – pie noir tovero (buckskin spotted)
 ала-тилә – пегая лошадь с белой гривой – pie bai tobiano (piebald with a white mane)
 ала күк – пего-сивая – palomino clair (piebald ash gray)
 алма күк – сивая в яблоках – gris tisonné/ pie alezan overo (dapple ash gray)
 алмачуар – серая в яблоках – gris pommelé (dapple gray)
 бүз – сероватая – silver (silvery)
 бүртә – мухортая (гнедая с желтыми пятнами) – bai avec le chanfrein blanc (bay with yellow markings)
 бурлы – каурая – светло-каштановая – alezan (light chestnut)
 бурлы ала – чало-пегая (белые пятна на темно-рыжем фоне) – le floconné (roan-piebald)
 бурлы кара – вороно-чалая – rouan (black-roan)
 бурлы күк – сиво-чалая – gris truité (gray-roan)
 бурлы жирән – рыже-чалая – pinchard (ginger-roan)
 бурлы туры / туры бурлы – гнедо-чалая – rabricano (rabricano)
 жирән ала – рыже-пегая – baillet (ginger piebald)
 калтар – черно-бурая – argenté (black-brown)
 кара – воронья – noir moreau (fem. morelle) / sooty / le frison (sooty)
 кара коба – черно-бурая – bai brun (black-brown)
 кара күк – темно-сивая – gris-brun (dark gray)

кара-туры – караковая – noir pangaré (black-dark brown)

кашка ат – лошадь со звездочкой во лбу – avec losange / pelote / croissant (a horse with an asterisk in its forehead)

кир(е) ат (борын очлары, аяклары сары төстә) – подласая – arzel (with a white spot on its hind leg)

коба – бурая (с белыми вкраплениями) – alezan brûlé (brown with white markings)

ак коба – бледно-бурая – bai clair (light brown)

коба кызыл – муругая (рыже-бурая) – aquilain (ginger-brown)

коба туры – бурая (темно-коричневая с красноватым отливом) – bai foncé (dark brown with a red subshade)

кола – соловая (бледно-желтая, хвост и грива светлые) – aubère granitée (pale yellow, with a light mane and tail)

кола – буланая (светло-рыжая с черным хвостом и гривой) – isabelle (light ginger with a black mane and tail)

аксыл-кола – светло-буланая – café-au-lait (light buckskin)

ак кола – бледно-саврасая / буланая – cremello (pale buckskin)

куе кола – темно-буланая – champagne ambre (dark buckskin)

кола жирән – булано-саврасая – dun (buckskin-yellow)

көрән – коричневая – l'alezan foncé (brown)

күк – сивая – gris (grayish-blue)

ак күк – бледно-сивая – gris clair (pale grayish-blue)

күкбүз – светло-серая – gris clair (light gray)

күк-ала – сиво-пегая – pie gris (grayish-blue piebald)

күк-жирән – сиво-желездовая – gris roux / fer (grayish-blue iron)

сары – саврасая (гнедая, хвост и грива черные) – louvet/ isabelle fumé (bay with a black mane and tail)

саф, бер төсле – маститый – zain (thoroughbred)

соры – серая – gris (gray)

тычкан төсе – мышастая – gris souris / crins lavés (mouse gray)

тонык сары – палевая – isabelle pangarée (pale yellow)

тимер-күк – темно-сивая, сивостальная – noir granité/ gris/ tourterelle/ foncé (dark ash-gray)

таргыл – темно-рыжая – l'alezan cuivré (dark ginger)

туры – гнедая – bai (bay)

туры ала – гнедо-пегаля – bai granité / bai cerise (bay piebald)

туры кола – гнедо-саврасая (с красно-коричневым цветом) – bai fumé (bay buckskin)

тэңкэ чуар – гнедая в яблоках – bai pommelé / miroité (dapple bay)

чагыр – чагравая (темно-пепельный) – gris cendré à noirs (dark ash)

чал – чалая (серый с примесью другого цвета) – grivelé (roan)

чаптар – игреня (светло-рыжая, грива и хвост белесоватые) – balzan (light ginger with a whitish mane and tail)

чел – седая – gris clair (pale gray)

чөлкэр – исине-черная – bleu-noir (bluish black)

чуар – пестрая / чубарая – truité / tisonné / pie bai tobiano (spotted).

As we see, the color images of the world in the languages under study are different, though there is only one exception, i.e. in word-formations: as soon as a word or a collocation appears in one language, due to globalization it is quickly calqued by other languages. Color designations are an integral part of common consciousness. Included in the ritual symbolism, they color nominations carry various pragmatic and linguistic meanings, being signs of culture which belong to a particular historical epoch. A color is viewed by the authors of the article as a reflection of the “picture of the world”, specifically manifested in every single language based on native speakers experience. As far back as in Ancient Greece, philosophers used color to characterize voice, mental states and other internal properties of man. This was a figurative translation of information from one language into another semiotic system, when the unknown is explicated by already known concepts.

The study of phraseology affects the sphere of folk culture. Phraseological units with color descriptions occupy an important place in modern studies, as they reflect the features of mentality, beliefs, traditions, and values characteristic of different peoples.

Phraseological units, which include nominations of color, are symbols, stereotypes of a view on the world of a specific culture. The study of colors in phraseology reflects the ethnic uniqueness of the French and Tatar, their specific features. The research demonstrated that the dichotomy “синий (navy blue) – голубой (greenish blue)” is not relevant for most European languages. It is noteworthy that in the Russian

language there is an adjective “сине-голубой (navy-greenish blue)”. For example, “the greenish blue faraway”. As the research showed the link between these two concepts is observed in all the main languages of the studied data. Unfortunately, due to the word’s being lengthy, it is not frequent in the discourse.

The nominations of colors have preserved rich historical experience of people, they reflect the ideas associated with their work, life and culture. Correct and appropriate use of color nominations makes our speech uniquely identical, expressive, accurate, and imagery. Therefore, the results of the study of color nominations are relevant in teaching French and Tatar, as well as in Lexicology and Phraseology.

References

- Akhmet'ianov, R. G. (1975). *Nekotorye nazvaniia loshadei v tatarskom iazyke* [Names of Horses in the Tatar Language]. *Sovetskaia tiurkologiya*. No. 2, pp. 69–76. (In Russian)
- Akhmet'ianov, R. G. (1988). *Obshchaia leksika material'noi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ia* [General Vocabulary of Material Culture of the Middle Volga Peoples]. 200 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Arapov, M. V. (1988). *Kvantitativnaia lingvistika* [Quantitative Linguistics]. 184 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4-kh tt.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols.]. T. 1. 562 p. Moscow, Progress. (In Russian)
- Frumkina, R. M. (1984). *Tsvet, smysl, skhodstvo* [Color, Meaning, Similarity]. 175 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Gak, V. G. (1977). *Sopostavitel'naia leksikologiya* [Comparative Lexicology]. 264 p. Moscow, izd-vo “Mezhdunarodnye otnosheniia”. (In Russian)
- Iskhakova, G. A. (2008). *O nazvaniakh mastei loshadei v tatarskom iazyke* [On the Tatar Names of Colours of Horses Coat]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, No. 3. Cheboksary, izd-vo Chuvashskogo gos. un-ta im. I. N. Ul'ianova, pp. 151–154. (In Russian)
- Kul'pina, V. G. (2001). *Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v pol'skom i russkom iazykakh* [Linguistics of Color: The Terms of Color in Polish and Russian]. 470 p. Moscow, Moskovskii Litsei. (In Russian)
- Maksiutova, N. Kh. (1983). *Terminologiya konevodstva u bashkir* [Bashkir Terminology of Horse Breeding]. *Voprosy leksikologii i leksikografii*. Ufa, pp. 18–26. (In Russian)
- Pasturo, M. (2015). *Sinii. Istoriia tsveta* [Blue. History of Color]. 144 p. Moscow, NLO. (In Russian)
- Sitdykova, A. F. (2013). *Kognitivnoe issledovanie tsvetovogo prostranstva v tatarskom iazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Cognitive Study of Color Space in the

Tatar Language: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan'. 22 p. (In Russian)

Svetlichnaia, T. Iu. (2003). Sravnitel'nye lingvokul'turnye kharakteristiki tsvetooboznachenii i tsvetovospriiatii v angliiskom i russkom iazykakh: dis. ... kand. filol. nauk [Comparative Lingvocultural Characteristics of Color Identification and Color Perception in

English and Russian: Ph.D. Thesis]. Piatigorsk. 186 p. (In Russian)

Tolkovy slovar' tatarskogo iazyka v 3-kh t. (1977–1981) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language in 3 Volumes]. Kazan', Tatknigoizdat. (In Tatar, in Russian)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИКИ ЦВЕТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Рустам Мэлисович Фахретдинов,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
roustam@mail.ru.

Фарида Искандеровна Яруллина,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
yarullina-f@mail.ru.

Хосе Гонсалес,
Барселонский государственный университет,
Carrer de la Ciutat de Granada, 131. 08018 Барселона, Испания,
docboone@hotmail.es.

Статья посвящена анализу лингвистических проблем, связанных с различными способами цветообозначения во французском и татарском языках, в том числе и с наименованиями мастей лошадей. В ходе исследования авторы получили результаты, свидетельствующие о схожести концепта «синий цвет» в татарском и французском языках, отсутствии в обоих языках дихотомии «синий – голубой», а также о целесообразности выделения иппоклористики в отдельный раздел лингвистики цвета. Авторы разработали уникальный татаро-французский вокабуляр лошадиных мастей, способствующий сохранению столь специфической лексики в активном словарном запасе сопоставляемых языков.

Ключевые слова: лингвистика цвета, цветообозначение, типология французского и татарского языков, иппоклористика.

Цветовосприятие – одна из наиболее важных характеристик человеческого зрения, с помощью которого мы лучше ориентируемся в окружающей среде и познаем ее закономерности [Арапов, с. 88]. Цветообозначения в том или ином языке являются знаком культуры, творческой индивидуальности, они играют очень важную роль в системе общественного ритуального символизма и имеют ярко выраженное коммуникативное начало. В языке, как в зеркале, отражаются наши цветоощущения и восприятия [Фасмер, с. 84]. Фразеология – это именно тот раздел лингвистики, в котором очень ярко отражается национально-культурное своеобразие цветоощущения языка, так как она тесно связана с культурой, историей и бы-

том народа, в ней воплощены его дух, характер и образ мышления. Так, некто оказывается белой вороной, другой – черной костью, третью называют красной девицей [Фрумкина, с. 116]. В природе цвет – это объективная реальность, независимая от людей.

Однако в различных языках цвет далеко не всегда вызывает схожую реакцию. Как отмечает В. Г. Гак, «цвет в разных языках отражается по-разному, наименования красок составляют в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения» [Гак, с. 77]. Так, есть языки, которые различают семь цветов радуги, например русский и некоторые другие славянские языки; большинство же других европейских языков

различают только шесть [Светличная, с. 13]. Это происходит из-за того, что тот участок спектра, в котором русские видят два цвета – голубой и синий, в западноевропейских языках обозначается с помощью одной лексемы – англ. *blue*, нем. *blau*, фр. *bleu* и т.д. Они даже звучат одинаково, несмотря на то что принадлежат к разным группам языков – германской и романской.

Примечательно, что татарский язык здесь близок более к европейским языкам, поскольку тоже не делает разницы между «голубым» и «синим», детерминируя данный участок спектра как *зәңгәр*. Номинально, конечно же, под ареальным влиянием русского языка в татарском языке существует и обозначение для синего цвета – *күк*, но оно редко употребляется, потому что вовсе не является прилагательным, первое значение у него – «небо». Соответственно, было бы точнее переводить это слово не как «синий», а как «небесного цвета».

В подтверждение данного постулата можно привести тот факт, что в татарском фольклоре на одну песню «Күк күгәрчен» (синий голубь) приходится и «Зәңгәр күлмәк» (голубое платье), и «Зәңгәр төймә» (голубая пуговица), не говоря уже об очень популярном образе «Зәңгәр шәл» (голубая шаль). Зачастую эти цветообозначения являются в татарском языке синонимами. Так, *күк / зәңгәр сөт* – обрат – *lait dégraissé* (обезжиренное, пропущенное через сепаратор молоко), *күк күзле* — голубоглазый; *күк яулык* — голубой (синий) платок, *күк жәйләк* – опять-таки «голубика», *күк күбәләк* – «голубянка», *зәңгәр / күк чәчәк* – василек, цветок тоже не чисто синего цвета. Как видим, в детерминации этого цветка татарский язык опять-таки, в отличие от русского, совпадает с французским – *bleuet*, что можно перевести как «синеватый». Интересно, что в татарском языке «синеватый», как, впрочем, и «голубоватый», тоже означают два разных слова с анализируемыми в данной статье корнями: *күксел* и *зәңгәрсү*. Это является доказательством того, что разница между ними достаточно условна. А во французском языке в обозначениях голубики и голубянки вообще нет никакого указания на цвет: *airielle des marais* (болотная ягода) и *luscène*. Зато в русском и французском языках существует образ *oiseau bleu* – синяя птица, как символ недостижимого идеала. Более того, иногда это прилагательное демонстрирует совершенно другой цвет, например: *күк агач* означает вовсе не синее дерево, а граб, *le charme* по-

французски. *Күк ала сакал* означает «борода с проседью», то есть близкое к серому цвету, *күк ала ат* – серый конь в светлых яблоках, а просто *күк ат* будет уже «сивым меринном». Интересно, что по-французски седая борода будет *barbe fleurie*, то есть «цветистая» или же *argentée*, то есть «серебристая», а зачастую просто безо всякого иносказания *barbe grise* или *blanche*. А *Barbe bleue* означает «некоего подозрительного многократно женатого мужчину, все жены которого умирают». Этот сказочный персонаж – Синяя борода – известен русскоязычному читателю, но татарскому фольклору он абсолютно чужд, что может говорить о гуманном отношении к женщине. Зато во французском языке существует очень близкая татарской идиома *menton bleu* (буквально: синий подбородок) – мужчина в годах. И лишь в одном случае цветоощущения татар ближе к русским в рамках данного концепта: *күк талак итәргә*, буквально: сделать синей селезенку – избить до синяков, нежели к французам, у которых этот фразеологизм принимает более темные тона: *être noir de coups*, буквально: «быть черным от ударов». Интересно, что во французском языке нет слова «добрый» – для этого эпитета используется другое (*bon* – «хороший»). В стародавние времена в татарском языке слова «добрый» и «хороший» тоже были синонимами, но время все расставило по своим местам. Интересно, что в татарском языке номинально присутствует лексема, означающая «добрый» – *игелекле, изге* (древнетюркское *ädgü*), но на практике она употребляется неизмеримо реже, нежели *эйбәт*, что является абсолютным синонимом понятия «яхшы – хороший». Соответственно, нам представляется очевидным обогащение понятия «добрый» новыми лексемами типа *эйбәт, яхшы*.

Наблюдаемое в данном случае межъязыковое чередование «синий – черный» встречается и в самом татарском языке: *күк / кара бөрлегән* (синяя или черная костяника), то есть ежевика (*mûron* по-французски). И, наконец, редкий случай, когда лексические наименования во всех трех рассматриваемых нами языках наиболее близки в данном семантическом поле: голубой песок – *зәңгәр / күк төлке* по-татарски и *genard bleu* по-французски (причем между двумя последними языками оказывается больше сходства, нежели с русским, поскольку в них обоих это животное называется «лисицей»).

Что касается более распространенного в татарском языке цветообозначения *зәңгәр*, то ти-

пологическое исследование этого слова также подтверждает постулируемый нами тезис о большей близости французского языка к татарскому, нежели к русскому. Например: *зәңгәр таиш*, что буквально означает «голубой камень» – лазурит, *le lapis* по-французски. На самом-то деле он вовсе не голубой, а темно-синий. С другой стороны, время между ночью и утром татары называют *зәңгәр таң*, и вновь речь идет скорее о понятии «синяя», нежели «голубая заря». Примечательно, что и французы видят этот преддawnный час в синем цвете: *heure bleue*. И лишь в случае с «голубой мечтой» наблюдается полное единодушие во всех трех языках: *зәңгәр хыял* и *gêve bleu*, потому что логическое продолжение этой идиомы – *зәңгәр хыялга чумарга* (буквально: утонуть в голубой мечте). Еще более сближает татар и французов, которые не « витают в облаках », а *pagent dans le bleu* – то есть « плавают в синеве », что характеризует представителей этих народов как практичных и приземленных. В интернациональной идиоме « смотреть сквозь розовые очки » (фр. *regarder à travers des lunettes roses*) в татарском языке неожиданно возникает все тот же самый голубой цвет: *зәңгәр / ал күзлек аша карарга*. Удивительный факт: во французском языке тоже существует синонимичный фразеологизм *voir tout en bleu / rose* – видеть все не только в розовом, но и в синем цвете. « Истошный голос » – *des cris d'orfraie* (буквально: крики орлана) татары тоже видят в цвете: *зәңгәрле (күкле) яшелле тавыш*. Между голубым и зеленым цветом в татарском языке грань тоже размыта, но этот феномен требует отдельного анализа в следующей статье. И, наконец, татары, вслед за русскими называют представителей нетрадиционной ориентации *зәңгәрләр*, что очень удивило бы французов, поскольку для них *les bleus* – это игроки их сборной, а для обозначения мужчин нетрадиционной ориентации они используют слово *la pédale*, причем женского рода, которое, как и в русском языке, означает « педаль ». А в единственном числе *bleu* означает « новичок » или « новобранец », потому что их униформа еще совсем новая и не успела утратить свой синий цвет. Впрочем, и во французском языке удалось найти такую идиому, как *ballets bleus* (дословно: « голубой балет ») – оргия с участием мальчиков. По свидетельству французского историка Мишеля Пастуро, отношение к синему цвету у французов со временем менялось. Примечателен тот факт, что до XII века в средневековой литературе о нем во-

обще не было никаких упоминаний [Пастуро, с. 15]. Долгое время синий цвет ассоциировался у французов с сильными негативными эмоциями, вплоть до того, что одно из значений этого существительного – синяк. Например: *Avoir du bleu au coeur* (буквально: « иметь синяк на сердце »), то есть грустить – *ямансуларга* по-татарски; *une peur bleue* (буквально: « синий страх ») – панический страх (*бик нык курку*, то есть просто *очень сильный страх* по-татарски); *une colère bleue* – сильный гнев (*бик нык ачу килу* по-татарски); *en être bleu* (буквально: быть синим от чего-то), то есть быть потрясенным (*авыр кичереитә булырга* по-татарски); *n'y voir que du bleu* (буквально: видеть в чем-то только синее) – ничего не понять (*бернарса да аңламаска* по-татарски); *passer au bleu* (буквально: перейти к синему) – утаивать (*сер итен тотарга* по-татарски (буквально: держать в тайне)); *bas bleu* « синий чулок » (*сөйкемсез хатын* по-татарски, буквально: непривлекательная женщина); *bête bleue* (буквально: синяя скотина) – кляча (*арык ат* – то есть буквально « тощий конь » по-татарски); *bleu comme la poule à Simon* (буквально: синий, как курица Симона) 1) заблудившийся (*адашкан* по-татарски) 2) перепуганный, в панике (*бик нык курыккан* по-татарски) 3) консерватор (*кадимче* по-татарски) и коррелирующая с последним значением *Chambre bleu horizon* – Голубая палата (реакционная палата депутатов во Франции, избранная в 1919 году, названная так по цвету офицерских шинелей); любовную интрижку французы сравнивают с *fleur bleue*, то есть с « синим цветком » (*мәхәббәт мәкере* по-татарски); *cultiver la petite fleur bleue* сентиментальничать (*тойгыларга бирелергә* по-татарски, что дословно означает « поддаться ощущению »); *coup bleu* (буквально: « синий удар ») многозначно: 1) выстрел в воздух (*буи ату*, то есть буквально « холостой выстрел » по-татарски) 2) напрасный труд (*файдасызга көч түгү*, то есть буквально « бесполезное проливание силы » по-татарски); *papier bleu* (буквально: « синяя бумага ») – повестка с вызовом в суд – « судка чакыру » по-татарски; *vin bleu* (буквально: « синее вино ») – скверное красное вино – *тәмсез кызыл шәраб* по-татарски; *zone bleue* – место ограниченной стоянки машин; *ne pas être bleu de rire* (буквально: « не быть синим от смеха ») – не иметь желания смеяться, а татары сказали бы: *көлүдән кыл-кызыл булмаска* (буквально: « не быть красным от смеха »); *conte bleu* (буквально: « синяя сказка ») – бабы сказки – *әбиләр әкияте*

или *юк-бар суз* по-татарски, дословно: «слово, означающее то ли есть, то ли нет»; *elle est bleue, celle-là* (буквально: «а эта – синяя») – *уйдырма* по-татарски – эка небылица! И, наконец, *les diables bleus*, то есть буквально «синие черти» – тоска. Примечательно, что русским тоска представляется несколько другим цветом, а именно – зеленым (*яшел сагыш* по-татарски, но цветоощущение тоски у татар более насыщенное: *ак сагыш* как легкая печаль, *зәңгәр сагыш* – по чему-то несбыточному, *сары сагыш* как аналог сплина, и в конце концов – *кара сагыш* как крайний предел безысходности).

И лишь в исключительных случаях этот цвет имеет во французском языке положительные коннотации. В эпоху Возрождения, согласно М. Пастуро, синий цвет стал «королевским» и очень престижным. Это объясняет возникновение многих французских фразеологизмов. Например: *sang bleu* – «голубая кровь», но *ак сөяк* по-татарски, что означает «белая кость»; *cordon bleu* имеет два значения: «голубая орденская лента кавалера ордена Святого Духа», то есть «человек с большими заслугами» – *зур кеше* по-татарски и «искусная кухарка» – *эйбәт пешерүче* по-татарски; *guban bleu* – орденская лента – *орден тасмасы* по-татарски; *dentelle bleue* 1) английские кружева (изготавливаемые в Ковентри) – *инглиз челтәр* по-татарски, 2) женщина в голубом – *зәңгәр киемле хатынкыз* по-татарски; *col bleu* (буквально: синий воротничок) – 1) военный моряк – *хәрби диңгезче* 2) рабочий – *эшче*; *bibliothèque bleue* – рыцарские романы для детей от 4 до 8 лет; *bifteck bleu* – кровавый бифштекс – *канлы бифштекс*; *le ciel est bleu partout* – буквально: «небо везде синее» – свет клином не сошелся, а в татарском языке – *дөнъя киң / иркән*, дословно: «мир просторный», или *кайда да бер кояш*, дословно: «везде одно и то же солнце». Поскольку Франция омывается морями с трех сторон света, там распространено понятие *houille bleue* (энергия приливов, отливов и ветра) – голубой уголь – *зәңгәр күмер*. Более того, в русском языке существует устойчивое выражение «голубое топливо» – *зәңгәр ягулык* по-татарски, отсутствующее у французов, не обладающих месторождениями газа. В современном западном обществе, утверждает М. Пастуро, синий цвет является любимым цветом, поскольку символизирует спокойствие и умиротворенность, отсюда возникла идиома *casques bleus* – «голубые каски» – «зәңгәр каскалар».

В то же время в окружающем нас мире цвет не существует вне цвета конкретных объектов. Он всегда привязан к какому-либо классу объектов и не существует как самостоятельный денотат, растворен в природе и является ее частью. Например: небо – синее, лиса – рыжая, земля – черная, снег – белый, заяц – белый или серый [Ахметьянов, 1988, с. 8]. Какого же цвета лошадь? Обычно она – гнедая, но если конь – то вороной, а коли мерин – то сивый. Как видим, колоронимы, описывающие масти лошадей, достаточно специфичны и не употребляются для цветоименований других предметов или существ. С другой стороны, назвать лошадь коричневой или черной может только человек, не знакомый близко с ними. Лошадиные масти – тема чрезвычайно интересная, поскольку лошади – животные, уже на протяжении тысячелетий живущие рядом с человеком, приносящие ему неоценимую пользу и, несмотря на современный прогресс, до сих пор украшающие нашу жизнь [Максютова, с. 18]. Взор человека ласкает не только лошадиная стать, бездонные и умные глаза, но и ее окрас. Следовательно, наличие разнообразных лошадиных мастей неразрывно связано с проблематикой цветовосприятия, поскольку некоторые лингвисты, такие как, например, В. В. Шавалиев, выводят их в отдельную цветовую категорию. Г. А. Исакова насчитывает их более сорока в татарском языке [Исакова, с. 152]. Р. Г. Ахметьянов утверждает, что раньше их было еще больше [Ахметьянов, 1975, с. 71]. Примерно ту же самую картину мы наблюдаем и во французском языке. В связи с данным разнообразием мастей и возникает главная сложность их анализа, которую отмечала и В. Г. Кульпина [Кульпина, с. 230].

В частности, в наименованиях мастей встречается много алогизмов. Например: сивая масть по-татарски будет *күк*, а «бело-сивая» – не *аккүк*, а *акбүз*. Все дело в том, что, кроме номинации *күк*, обычно в татарском языке означающей синий цвет, существует еще и слово *бүз*, означающее «сероватый, пепельный цвет», в то время как «пепел» по-татарски – вовсе не *бүз*, а *көл*. Было бы странным, если бы во французском языке – самом рациональном языке в мире – существовали подобные противоречия. Французский язык их не имеет за счет метафоричности наименований мастей. Так, *акбүз* по-французски – *perle*, что означает «жемчужина», а *бүз* – *silver*, что значит «серебро» по-английски. Тут необходимо признать,

что французский язык при номинации лошадиных мастей часто прибегает к иностранным заимствованиям, и не обязательно английским. Так, тот же самый этноним *акбуз* может означать и *perlino* на итальянский манер, а *алатилэ* – пегая лошадь с белой гривой – *palomino*, что созвучно с португальским *palombino*, означающим «белый мрамор», *gabicano* по-испански – «белохвостый». Это масть с белыми подпалинами по бокам и хвостом, *ovego* по-испански – масть с темными пятнами на белом фоне, *sooty* по-английски – черный как сажа, а *dun* – коричневато-серый. Для французов эта цветолексика, видимо, не вызывает больших затруднений, поскольку итальянский, испанский и португальский – родственные языки, относящиеся к одной языковой группе – романской. Кроме того, отличие серебристого цвета от жемчужного представляется более наглядным, нежели отличие сивого от светло-сивого.

Бурлы по-татарски означает и *grivelé* (чалый – серый с примесью другого цвета), и *alezan* (каурый – светло-каштановый). В то время как сам колороним «чалый» происходит от татарского *чал*, что и переводится как «седой» и обозначает в том числе и чалую масть. На один термин «чалый» в русском языке приходится два в татарском: *чал* как светло-серый и *бурлы*. Очевидна общая этимология татарского и русского прилагательных «бурый» и «бурлы», восходящая к турецкому *buğ* – «рыжая масть», в свою очередь, заимствованному от персидского *bōg* – «красно-коричневый» [Ситдыкова, с. 12]. В общей лингвистике «бурый» по-татарски означает *коңгырт*, а именно бурая масть в иппоколористике – *коба*. Следует заметить, что и в этой части цветового спектра татарский и французский языки схожи: в татарском языке существует колороним *көрән* как цвет корицы или жареного кофе (в русском языке это уже характерные признаки коричневого цвета) и *коңгырт* как темно-бурый. Аналогично во французском и татарском языках одному русскому колорониму «коричневый» соответствует два: *maçon* и *brun* как «темно-коричневый», *кызгылт көрән* (буквально: красно-бурый), *коңгырт сары* (желто-бурый). В русском же языке с течением времени колороним «бурый» заметно «потускнел»: от красно-коричневого к серо-коричневому в нейтральном контексте. Но в иппоколористике он и поныне сохраняет свой колорит – темно-коричневый с красноватым отливом, что еще раз подтверждает непреложную ценность лошади как одну из вечных чело-

веческих ценностей, которая не меняется уже в течение многих веков. Данный пласт лексики является весьма древним, что может оправдать ее не совсем однозначное его восприятие. Например, все мы понимаем, что существует буланый конь. Но многие ли смогут точно описать его цвет? А ведь это светло-рыжий (желтый по М. Фасмеру) с черным хвостом и гривой [Фасмер, с. 123].

Что касается количества мастей и отмасток, то в татарском языке на современном этапе его развития их насчитывается около шестидесяти, а во французском – приблизительно семьдесят. Эту же тенденцию подмечает В. Г. Кульпина и в отношении польского языка, в котором наименований мастей лошадей больше, чем в русском [Кульпина, с. 311].

А для некоторых мастей вообще не нашлось колоронимов в татарском языке. Так, в татарском языке отсутствует номинация для целой группы пегих отмасток, например: *pie noir léopard* – белая лошадь с черными леопардовыми пятнами, *pie noir saré* (дословно: со шляпой-котелком) – та же самая лошадь, но с черной головой, маститая лошадь с белыми пятнами на задних ногах и спине образно называется *pie noir givré* (дословно: покрытая инеем), а белая с рыжим и черной гривой – *pie bai sabino*. В данном случае французский язык прибегает к «услугам» испанского, на котором *sabino* означает «светло-гнедая». Мы привыкли к тому, что с каким-либо животным обычно сравнивают человека, а французы настолько одухотворяют лошадь, что уже при ее описании используют анималистическую метафоричность, поскольку *pie* по-французски – сорока. Для восполнения данной лакуны было бы целесообразно назвать белую лошадь с черными леопардовыми пятнами *ала каплан*. Что касается остальных потенциальных калек, то они пока еще весьма сомнительны.

Не удалось обнаружить в татарском языке и такие этноцвета, как золотисто-буланый – *champagne* по-французски, то есть цвет шампанского, и серо-желтоватый – *tourdille* во французском языке, этимологически восходящий к существительному *le tourd*, что означает «сизоголовый дрозд». Калька с французского «шампань төсе» уже появилась в татарском языке, но его сочетаемость с описанием лошадиной масти еще не актуальна на современном этапе. Что же касается «милэш чыпчыгы төсе», то само возникновение данного этноцвета представляется маловероятным ввиду малой

распространенности дроздов в местах проживания татар.

С другой стороны, во французском языке не удалось обнаружить такой этноцвет как «кан жирэн» – кроваво-рыжий. Французы, как и все европейцы, вполне обходятся колоронимом «кроваво-красный» – rouge sang, который, в свою очередь, отсутствует в тюркских языках. Нет в остальных исследуемых языках и аналогов таких легендарных для татарского народа коней, как *Акбүзат* (буквально: светло-сивый конь) – символ дня, *Күкбүзат* (дословно: светло-серый) – аллегория вечера, *Тимеркара* (вороной со стальным отливом) – олицетворение ночи. Татары говорят о смене времени суток: *Тимеркараны акбүзат куа, акбүзатны күкбүзат куа* [Толковый словарь татарского языка, с. 99]. Примечателен тот факт, что в татарском языке отсутствует аллегория утра, в то время как в остальных языках лишь она и наличествует в виде богини утренней зари Авроры. К сожалению, нам не удалось обнаружить в татарском языке и человеческие имена, этимологически связанные с лошадьми, такими как, например, Филипп – «любящий лошадей» и Ипполит – «распрягающий лошадей», встречающиеся во французской и русской ономастике.

Изучив словари, мы составили небольшой татаро-французский вокабулар лошадиных мастей, снабженный для удобства русской колонкой:

ак – белая – blanche
 аксыл сары – кремовая – crème
 аксыл жирэн – светло-рыжая – roux clair / palomino charbonné / cuivré
 акбүз – светло-сивая – perlino / pèrle
 ала – пегая (разномастная) – pie
 ала-кола – саврасо-пегая / булано-пятнистая – pie noir tovero
 ала-тилә – пегая лошадь с белой гривой – pie bai tobiano
 ала күк – пего-сивая – palomino clair
 алма күк – сивая в яблоках – gris tisonné / pie alezan overo
 алмачуар – серая в яблоках – gris pommelé
 бүз – сероватая – silver
 бүртә – мухортая (гнедая с желтыми пятнами) – bai avec le chanfrein blanc
 бурлы – каурая – светло-каштановая – alezan
 бурлы ала – чало-пегая (белые пятна на темно-рыжем фоне) – le floconné
 бурлы кара – вороно-чалая – rouan
 бурлы күк – сиво-чалая – gris truité

бурлы жирэн – рыже-чалая – pinchard
 бурлы туры / туры бурлы – гнедо-чалая – rabicano
 жирэн ала – рыже-пегая – baillet
 калтар – черно-бурая – argenté
 кара – вороная – noir moreau (fem. morelle) / sooty / le frison
 кара коба – черно-бурая – bai brun
 кара күк – темно-сивая – gris-brun
 кара-туры – караковая – noir pangaré
 кашка ат – лошадь со звездочкой во лбу – avec losange / pelote / croissant
 кир(е) ат (борын очлары, аяклары сары төстә) – подласая – arzel
 коба – бурая (с белыми вкраплениями) – alezan brûlé
 ак коба – бледно-бурая – bai clair
 коба кызыл – муругая (рыже-бурая) – aquilain
 коба туры – бурая (темно-коричневая с красноватым отливом) – bai foncé
 кола – соловая (бледно-желтая, хвост и грива светлые) – aubère granitée кола – буланая (светло-рыжая с черным хвостом и гривой) – isabelle
 аксыл-кола – светло-буланая – café-au-lait
 ак кола – бледно-саврасая / буланая – cremello
 куе кола – темно-буланая – champagne ambre
 кола жирэн – булано-саврасая – dun
 көрән – коричневая – l'alezan foncé
 күк – сивая – gris
 ак күк – бледно-сивая – gris clair
 күкбүз – светло-серая – gris clair
 күк-ала – сиво-пегая – pie gris
 күк-жирэн – сиво-железровая – gris roux / fer сары – саврасая (гнедая, хвост и грива черные) – louvet / isabelle fumé
 саф, бер төсле – маститый – zain
 соры – серая – gris
 тычкан төсе – мышастая – gris souris / crins lavés
 тоньк сары – палевая – isabelle pangarée
 тимер-күк – темно-сивая, сивостальная – noir granité / gris/ tourterelle/ foncé
 таргыл – темно-рыжая – l'alezan cuivré
 туры – гнедая – bai
 туры ала – гнедо-пегая – bai granité / bai cerise
 туры кола – гнедо-саврасая (с красно-коричневым цветом) – bai fumé
 тәңкә чуар – гнедая в яблоках – bai pommelé / miroité

чагыр – чагравая (темно-пепельный) – gris cendré à noirs

чал – чалая (серый с примесью другого цвета) – grivelé

чаптар – игреня (светло-рыжая, грива и хвост белесоватые) – balzan

чел – седая – gris clair

чөлкәр – иссине-черная – bleu-noir

чуар – пестрая / чубарая – truité / tisonné / pie bai tobiano.

Как видим, в исследуемых нами языках видение мира в цвете предстает разным, за исключением современных словообразований, когда какое-либо выражение, появившееся в одном языке, в процессе глобализации быстро калькируется другими языками. Цветовые обозначения составляют неотъемлемую часть нашего повседневного сознания, обладают различными коммуникативными интенциями, входят в ритуальную символику, являются знаком культуры, той или иной исторической эпохи. Цвет рассматривается нами как определенный угол зрения на «картину мира», отраженный в каждом отдельно взятом языке через восприятие этого мира носителем языка. Уже древнегреческие философы пользовались цветом для характеристики голоса, душевного состояния и прочих внутренних свойств человека. Это было образным переводом информации с одного языка в другую семиотическую систему, когда непонятное эксплицируется уже известными понятиями.

Изучение фразеологии затрагивает сферу народной культуры. Фразеологизмы с цветовыми обозначениями занимают важное место в современных исследованиях, так как отражают особенности менталитета, верования, традиции, систему ценностей того или иного народа.

Фразеологические обороты, в состав которых входят цветовые обозначения, представляют собой символы, стереотипы культурного мировидения. Изучение цветовых обозначений в составе фразеологии отражает национальную специфику французского и татарского языков, их самобытность. Мы наглядно продемонстрировали, что дихотомия «синий – голубой» не актуальна для большинства европейских народов. Примечательно, что и в русском языке существует такое прилагательное, как «сине-голубой» (например, *сине-голубая даль*), в котором и наблюдается та самая когезия обоих этих понятий

во всех основных европейских языках, проанализированная нами в данной статье. К сожалению, в силу своей громоздкости оно является малоупотребительным.

В цветовых обозначениях запечатлен богатый исторический опыт народа, в них отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой народа. Правильное и уместное употребление цветовых обозначений придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность, поэтому результаты исследования цветовых обозначений имеют практическое применение – они важны для успешного преподавания французского и татарского языков, а также в лексикологии и фразеологии.

Литература

Арапов М. В. Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988. 184 с.

Ахметьянов Р. Г. Некоторые названия лошадей в татарском языке // Советская тюркология. 1975. № 2. С. 69–76.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1988. 200 с.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: изд-во «Международные отношения», 1977. 264 с.

Исхакова Г. А. О названиях мастей лошадей в татарском языке // Вестник Чувашского университета № 3. Чебоксары: изд-во Чувашского гос. ун-та им. И. Н. Ульянова, 2008. С. 151–154.

Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.

Максютова Н. Х. Терминология коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии. Уфа, 1983. С. 18–26.

Пастуро М. Синий. История цвета. М.: НЛЮ, 2015. 144 с.

Светличная Т. Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветовых обозначений и цветовосприятия в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2003. 186 с.

Ситдыкова А. Ф. Когнитивное исследование цветового пространства в татарском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Казань, 2013. 22 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. Т. 1. М.: Прогресс, 1987. 562 с.

Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984. 175 с.

Толковый словарь татарского языка в 3-х т. Казань: Таткнигоиздат, 1977–1981.

ФРАНЦУЗ ҺӘМ ТАТАР ТЕЛЛӘРЕНДӘ ТӨС ЛИНГВИСТИКАСЫНЫҢ МИЛЛИ ҮЗЕНЧӨЛЕКЛӘРЕ

Рөстәм Мәлис улы Фәхретдинов,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
roustam@mail.ru.

Фәридә Искәндәр кызы Яруллина,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
yarullina-f@mail.ru.

Хосе Гонсалес,
Барселона дәүләт университеты,
131. 08018 Барселона, Испания, Carrer de la Ciutat de Granada,
docboone@hotmail.es.

Мәкалә француз һәм татар телләрендә төсләрне, шул исәптән ат төсләре атамаларын да белдерүнең төрле ысуллары белән бәйле лингвистик мәсьәләләрне анализлауга багышлана. Тикшерү барышында авторлар «зәңгәр төс» концептының татар һәм француз телләрендә охшаш булуын, ике телдә дә «зәңгәр – күк» дихотомиясенә юклыгын, шулай ук иппоклористиканы төс лингвистикасының аерым бүлгегә итеп аерып чыгаруның максатка ярашлы икәнлеген раслаган нәтижеләргә килделәр. Авторлар ат төсләренә уникаль татар-француз вокабулярларын эшләп, чагыштырыла торган телләрнең актив сүзлек запасында шундый үзенчәлекле лексиканы саклап калу өлеш керттеләр.

Төп төшенчәләр: төс лингвистикасы, төс белдерү, француз һәм татар телләре типологиясе, иппоклористика.